

УДК [348.819.3:343.8194(47).081/083](470.319)

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА МОНАСТЫРЕЙ ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

Е.С. МАТВЕЕВА

*Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
г. Москва*

e-mail: evgmatveeva@bk.ru

В статье рассмотрены понятие и особенности становления пенитенциарной системы в России как института, глобально влияющего на политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества во II половине XIX – начале XX веков. Определена общая экономическая и правовая ситуация в России при использовании монастырей в пенитенциарных целях.

Ключевые слова: светская власть, духовная власть, церковно-судебная система, религиозные правонарушения, церковные наказания.

Рассмотрение особенностей становления пенитенциарной системы в России, как института, глобально влияющего на политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества является актуальным, и привлекают интерес большого количества исследователей. В историографии данного вопроса, на основании принятых нормативных правовых актов, некоторые авторы выделяют несколько крупных периодов: I период – дореволюционный (со II половины XVI века до октября 1917 г.); II период – советский (октябрь 1917–1990 гг.); III период – постсоветский (1991 г. – до настоящего времени)¹. При этом в каждом из периодов можно ещё выделить этапы формирования пенитенциарной системы в соответствии со спецификой целей наказания, средств их достижения, системой нормативных правовых актов и т.д.

Особое место в системе пенитенциарных учреждений дореволюционной России занимали монастыри, использовавшиеся в качестве мест лишения свободы для наказания и исправления преступников, а также лиц опасных для государственного порядка. Информация о таких узниках и самих монастырских тюрьмах долгое время была тайной². Религиозные правонарушения или преступления против веры изначально признавались посягательствами на самого Бога и наказывались крайне строго. В силу того, что понятие «пенитенциарный» происходит от латинских терминов «poenitentia» – раскаяние³ и «poenitentiarium» обозначающий покаянный и исправительный⁴, поэтому то и основная цель содержания в монастырях, кроме наказания – являлась достижением раскаяния и исправления лиц.

Наказания были закреплены церковно-судебной властью по отношению ко всем членам Церкви, которые бы нарушали церковные правила. На основе византийских традиций и до XX века, в истории России монастыри использовались в качестве постоянных тюрем, в которых лица отбывали общие и особенные наказания. Общие наказания присуждались мирянам и духовным лицам за преступления против всех членов Церкви за нарушение духовных устоев, а особенные назначались только духовным лицам за нарушение духовных устоев и своих должностных инструкций. К церковным наказаниям относились полное или не полное отлучение от Церкви (анафема), а также публичное покаяние, которое с развитием законодательства в XVIII веке трансформировалось в совершение подвигов благочестия, благочестивых упражнений или епитимьи, которые состояли в лишении Церковью некоторых благ и ссылке в монастырь. Ссылка в монастырь назначалась в зависимости от тяжести правонарушения: на срок от нескольких месяцев до пожизненного содержания без права общения и переписки – именно поэтому и не

¹ См.: Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства (Историко-теоретический и правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2005.

² Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. К вопросу о веротерпимости. М., 1905. С. 5.

³ Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск-М., 2001. С. 616.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 790.

осталось каких-либо воспоминаний самих заключенных⁵. Церковные власти, так же как и государственные органы могли налагать денежное взыскание или назначать телесные наказания, но после реформ, но после реформ Петра I эти полномочия были сокращены.

Итак, монастырские тюрьмы в XVIII-XIX веках входили в пенитенциарную систему России, со своими особыми условиями содержания, особым режимом и распорядком, при этом обычно ссылка в монастырь сопровождалась насильственным постригом в монашество. Людей, осужденных к монастырскому заключению, обычно направляли на существенные расстояния и в малонаселённые места, например в монастыри Европейского Севера, отличавшиеся отдаленностью от Центра, строгостью быта, уставным порядком и суровыми условиями существования, такие как: Архангельская епархия, Вологодский край и т.д.⁶

Хоть тюремная архитектура и должна была удовлетворять интересам безопасности, надзора, гигиены и тюремного воспитания⁷, но это было далеко от действительности. Лишь не многие монастыри в России (например, Николаевский Карельский Архангельской губернии, Соловецкий монастырь, Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, Вознесенский Иркутский монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Петербургский Александро-Невский монастырь и др.⁸) выполняли функцию государственной тюрьмы и были оснащены специальными одиночными тюремными кельями, которые служили местом для политической и церковной ссылки. По Орловской губернии встречалась информация, что раскольников заточали в Столбовском Николаевском монастыре Дмитровского уезда⁹. И в самом городе Орле во Введенском женском монастыре содержались «черницы-раскольницы» (монахини) из польского села Вятки. При этом указывалось, что их содержание «...было хлопотным, т.к. они должны были жить в особых келиях, расположенных поблизости от келии настоятельницы, чтобы могли власти и сами монахини за ними наблюдать и всегда видеть их самоперсонально, и из тех келий не выпускать... У этих келий надлежало поставить караул из монастырских служителей или отставных солдат....». Раскольников предписано было одевать в мирские платья и давать им пищу «двум персонам одну или полторы порции», но и это было тяжело для монастыря¹⁰.

Заключение в монастырь долгое время считалось наиболее суровым наказанием, т.к. были очень тяжелые условия содержания, не всегда указывались сроки заточения. Наиболее часто лица без уточнения имён и фамилий направлялись с формулировкой «навечно», при этом соблюдалась полная изоляция человека и от сторонних светских лиц и от охраны, и служителей монастыря. При этом многие авторы отмечали о большом проценте смертности и помешательстве среди заключённых по сравнению со свободным населением¹¹.

К середине XIX века содержание провинившихся в монастыре было более демократичным, но всё равно накопилось большое количество жалоб в Святейшем Синоде от светских лиц, заключённых ранее в монастыри. Они отмечали, что с поступлением в монастыри люди торговые и поселяне отрываются от своих обычных занятий, а семейные люди от семей и вследствие этого подвергаются крайнему разорению. Людей направляли на существенные расстояния и в малонаселённые места, например в Архангельскую епархию одно прибытие в монастырь и само содержание там сопряжено с чрезмерными издержками. В этих обстоятельствах не достигалась сама цель содержания в монастырях, так как вместо раскаяния, появлялось ожесточение. При этом не предназначенные для тюремного содержания монастыри стеснялись, помещая этих людей и осуществляя надзор за ними, и страдали от соблазнительного их поведения или нераскаянности. На основании этого Канцелярия Святейшего Синода подготовила справку о лицах светского звания, содержащихся в монастырях. Было выяснено, что общее число светских людей,

⁵ Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством... С.7.

⁶ Павлушков А.Р. Петитенциарная практика монастырей Вологды в дореволюционный период. Режим доступа: <http://www.booksite.ru>

⁷ Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. С. 424.

⁸ Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы // Право. 1903. № 7. С. 440.

⁹ Населённые пункты Брянского края. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, доп. и испр. Брянск, 2012. С. 401.

¹⁰ Летопись Орловского Введенского монастыря. Орёл, 2013. С. 20.

¹¹ См.: Гальберг Д. Тюремная литература или Тюрьмоведение: Сочинение. М., 1876. С. 58.

было достаточно значительным (около 1,5 тысяч)¹².

При рассмотрении этих жалоб Святейший Синод предоставил право Епархиальным Начальствам на местах освобождать осужденных людей от длительных переездов с приданием их епитимии на месте жительства, под надзором духовных отцов и старцев, которые могли помочь в духовном исправлении падших. С XIX века посредством идей старчества в монастырях продолжилась традиция духовного просвещения и нравственного воспитания православного общества¹³. При этом необходимо отметить, что влияние института старчества и учёного монашества было ощутимо не только в системе церковного судопроизводства, но и в целом в отечественной культуре. В их духовном наставничестве нуждалась и образованная часть российского общества – интеллигенция, которая и создавала светскую культуру¹⁴.

Прохождение епитимии под надзором духовного отца, как отмечалось опытом многих людей, являлось самой действенной мерой, если прилагалось негласно и с усердием со стороны духовника, могущего своими наставлениями, в духе кротости и христианской любви, возбудить сознание греха и искреннее раскаяние. Но к данной мере наказания местные Епархиальные Начальства обращались редко, чаще присуждали только содержание в монастырях. Поэтому Святейший Синод, циркулярным Указом от 11 июля 1851 года предписывал Епархиальным Архиереям подробно рассматривать все дела, по которым, вследствие их решений, люди светского звания содержались в монастырях под епитимией. Если по такому рассмотрению не представлялось каких-либо особых затруднений, то содержащимся по этим решениям людей можно было обратиться к покаянию на месте жительства, под надзором духовников, которым предоставлялись соответствующие наставления. О последствиях своих распоряжений Епархиальные Архиереи отчитывались перед Синодом во всех подробностях. О содержащихся по решениям светских присутственных мест необходимо было выяснять, нет ли из числа таких, которые не оказывают раскаяние. Если такие были, то их должны были передать надзору духовных отцов, и уведомить представлением в Святейший Синод. Епархиальным Архиереям при судебных разбирательствах, по которым виновных следовало подвергать церковной епитимии, должны были входить в ближайшее соображение и обращать внимание на положение подсудимых. В содержание монастырей необходимо было назначать тогда, когда это было необходимо, или по тяжести преступления, или по доказанной безуспешности покаяния на месте жительства. Преосвященные должны были также не забывать о преподавании приходскому духовенству наставлений о «...нравственном действовании в духе кротости и любви на людей, кои подвергаются епитимии под надзором онаго...»¹⁵.

После этого Указа Святейшего Синода число людей светского звания, содержащихся в монастырях, хотя и стало уменьшаться, но не значительно. Определенные статистические данные о числе лиц светского и духовного звания, находившихся под епитимией можно проследить по рапортам и отчётам, которые ежегодно составлялись на имя Епархиальных Преосвященных настоятелями монастырей (ещё по Указу от 31 марта 1777 года). По окончании сентябрьской трети (в декабре) составлялись именные ведомости о колодниках и людях «...присылаемых из разных присутственных местъ и тайной экспедиции...», с кратким показанием их дел и их виновности для епитимии¹⁶. Указывалась дата поступления лица, его род занятий и срок содержания¹⁷. Если к декабрю не было лиц,

¹² Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102.

¹³ Корнев В.А. Фактор православия в развитии русской культуры // История государства и права. 2011. № 24. С. 8-11.

¹⁴ Зубанова С.Г. Влияние Русской православной церкви на развитие культуры российского общества в XIX в. // История государства и права. 2009. № 14. С. 18-22.

¹⁵ Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102.

¹⁶ См., например: Покорнейший рапорт № 161 Великому Господину Преосвященнейшему Досифею Епископу Орловскому и Севскому и Ордена Святой Анны 1-го класса и Кавалеру из Богородицкой Площанской пустыни от Строителя Игумена Серапиона от 29 декабря 1800 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

¹⁷ Ведомость в Духовную Консисторию из Мценского Петропавловского монастыря от 1800 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 18-19.

находившихся под епитимией, то могли отчитываться по лицам, которые были в течение года¹⁸.

Итак, по отчётным Ведомостям, представленных в Святейший Синод от Епархиальных Преосвященных за 1864, 1865, 1866 годы число людей светского звания, которые содержались в монастырях, значилось в следующем количестве: в 1864 году – 266 лиц, в 1865 году – 212 лиц, в 1866 году 193 лица. При этом необходимо также принять во внимание, что монастырскому заключению, кроме людей светского звания, подвергаются и духовные лица, а их число в монастырях ежегодно фиксировалось около 900 человек. К примеру с 1855 года по 1859 год включительно, духовных лиц мужского пола содержалось в монастырях 4480 человек, из которых более 3300 за нетрезвость, буйство и вообще неблагопристойное поведение. В этот же период лиц женского пола духовного звания содержалось в монастырях только 37 человек.

Монастыри вообще не имели дополнительных средств к содержанию и надзору за арестантами, не было и обустроенных для этого помещений, поэтому содержащиеся там светские лица были «...тяжелым бременем для монастырей»¹⁹. Но тяжелое положение заключенных или ветхость ограды монастыря не являлось основанием для отмены приговора и освобождению преступников, а также замены монастырского заключения тюремным или же другим наказанием. Всё это относилось к строгому порядку исполнения судебных решений по статьям 1549, 1585 и 1594 Уложения о наказаниях, в которых определялись род и вид наказания за конкретные преступления. Если в монастырях не было удобных помещений, то Епархиальным Начальством это обстоятельство должно постепенно изменяться. При этом нахождение арестантов на скотном дворе, также не могло быть признано правильным и согласным с существующим в этот период законодательством²⁰. Поэтому в конкретных частных случаях могли быть изменения в общих правилах, о которых необходимо вовремя сообщать. Например, о «... неимении помещения в местных той епархии монастырях» необходимо было сообщать Епархиальным Начальствам, которые могли арестантов проживающих в одной губернии перевести в другой монастырь (более удобный для содержания) принадлежавший к той же или другой губернии или епархии. При этом по сведениям представляемых в Святейший Синод и в Министерство Внутренних Дел не было не одного примера, когда арестант, проживающий в одной губернии, подлежал заключению в монастыре какой-либо другой губернии²¹.

По изданному в 1866 году Уложению о Наказаниях прослеживались те же нормы, что и в ранее изданных источниках 1845 и 1857 года, по которым заключение в монастырь определялось за следующие преступления:

1. Детей от 10 до 14 лет, совершивших преступления с разумением, вместо ссылки в Сибирь на поселение и вместо ссылки на житье в Сибирь или другие отдалённые губернии, вместо отдачи в исправительные арестантские роты или в рабочие дома, присуждались к заключению в монастыре, если в этих местах были монастыри на время от 3 лет 4 месяцев и до 5 лет и 4 месяцев, или от срока дней до 8 месяцев (ст. 138).

2. Незамужняя женщина, согласившаяся на своё похищение для вступления в брак, также подвергается заключению в монастыре от 4 до 8 месяцев, если в пределах Империи находятся обители того вероисповедания, к которым она принадлежит (ст. 1540).

¹⁸ См. например: Рапорт № 116 в Орловскую Духовную Консисторию из Брянского Петропавловского Монастыря архимандрита Елиазара // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

¹⁹ Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102 оборот.

²⁰ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «По делу об освобождении женских монастырей от заключения в них преступниц, присуждаемых к монастырскому заключению светскими и судебными местами» от 30 июля 1868 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 240.

²¹ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «По делу об освобождении женских монастырей от заключения в них преступниц, присуждаемых к монастырскому заключению светскими и судебными местами» от 30 июля 1868 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 240.

3. Заключение в монастырь подвергаются также люди находящиеся в браке и замеченные в прелюбодеянии, по жалобе оскорбленного супруга. Лицо находится от 4 до 8 месяцев в заключении, если в пределах Империи находятся обители того вероисповедания, к которым оно принадлежит (ст.1585).

4. За кровосмешение в прямой восходящей или нисходящей линии. Виновных приговаривают к лишению всех прав состояния и к ссылке в отдаленные места Сибири, для заключения там, вместо поселения, в тюрьме в уединении на 6 лет 8 месяцев, а по истечении этого срока они отдаются в монастырь на всю жизнь, для употребления на тяжких работах (ст. 1593). За кровосмешение с родственником или родственницей в боковой линии, во второй степени родства, виновные присуждаются к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь для заключения там в тюрьме на срок 3 года 4 месяца. По истечении этого срока они отдаются в монастырь на всю жизнь, для употребления на тяжких работах (ст. 1594).

5. Виновных в кровосмешении четвертой степени родства подвергаются заключению в монастырь на время от 4 до 8 месяцев (ст. 1594).

6. Виновных в прелюбодеянии в таких степенях родства или свойства в которых, по церковным правилам, не запрещалось вступать в брак, подвергались заключению в монастырь на 8 месяцев, если в том месте находятся монастыри их вероисповедания (ст.1597).

Другие преступления, кроме вышеозначенных, за которые полагалось заключение в монастырь в законе не указывалось. Существовали в Уставе Духовных Консistorий некоторые узаконения о монастырском заключении, но они касались людей собственно духовного звания²².

Существовало также значительное число правонарушений во II половине XIX века, за которые полагались церковное покаяние или отсылка виновных к духовному начальству для увещания и вразумления. Церковное покаяние в некоторых случаях присоединялось к уголовным и исправительным наказаниям (Уложение о Наказаниях ст. 58), а в некоторых случаях назначалось в виде особой меры для очищения совести без соединения с уголовным или исправительным наказанием. К преступлениям, за которые в законах полагалось церковное покаяние или отсылка к духовному начальству, относятся например²³:

- отступление от Православной веры в веру нехристианскую (Уложение ст. 185);
- отступление от Православной веры в иное христианское вероисповедание (Уложение ст. 188);
- неисполнение Уставов Церкви новообращенными в Православную Веру (ст. 207);
- уклонение от исповеди и причащения Святых Таинств лиц православного исповедания (Уложение ст. 208 и Устав Пред. Прест. ст. 27);
- противозаконное сожитие женатого с незамужней (Уложение ст. 994);
- убийство в драке (Уложение ст. 1465);
- нечаянное убийство (Уложение ст. 1466);
- покушение на самоубийство (Уложение ст. 1473);
- жестокое отношение мужа с женой или жены с мужем (ст. 1583);
- принуждение родителями православного вероисповедания детей к браку, или к пострижению в монашество (Уложение ст. 1586);
- любодеяние в таких степенях родства или свойства в которых, по церковным правилам, не воспрещено вступать в брак (ст. 1597);
- соращение православных в раскол (Устав Пред. Прест. ст. 75 по продолжению 1864 года).

О том, каким образом, должно было проходить церковное покаяние во II половине XIX – начале XX века, и как должно было производиться увещание посредством духов-

²² См.: Устав Духовных Консistorий от 27 марта 1841 года (с формами). СПб., 1843. 190с.

²³ Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // ГАОО.Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102 оборот.

ных лиц, в церковных законах нет определенных постановлений. Поэтому нередко случалось, что за известное преступление в одной епархии церковное покаяние производилось на месте проживания в церкви прихода, а в другой епархии преданный за то же преступление церковному покаянию заключался в монастырь.

В светском законодательстве по этому предмету имелись следующие правила²⁴:

- над православными в случае соращения в раскол происходило по усмотрению духовного начальства назидание и увещание об истинной вере через местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых Епархиальным Начальством. Эти назидания и увещания производятся над соращенными без отвлечения их от места их жительства и от обыкновенных их трудов и занятий (Устав Пред. Прест. ст. 75 по продолжению 1864 года);

- над православными, которые, несмотря на убеждения священников 2-3 года не были на исповеди у Святого Причастия. О таких лицах доносилось отдельно Епархиальному Архиерею, после чего он через приходского священника, через других доверенных духовных лиц, или сам, несмотря на обстоятельства и по местной удобности, осуществляли вразумление лица и мерами убеждения старались возратить к христианскому долгу, с возложением епитимии по своему усмотрению, на основании церковных правил. Таким же образом поступали с теми, о которых по делам присутственных узнавали об отсутствии их у исповеди и Святого Причастия, но с той разницей, что в этом последнем случае епитимия должна быть публичная в приходской церкви или в монастыре. Публичная епитимия налагалась также без отлучения от должности и на месте проживания. Кто не вразумлялся увещаниями, не осуществлял раскаяние и так и не исполнял христианского долга, об этом сообщали гражданскому начальству, на его рассмотрение (Устав Пред. Прест. ст. 27);

- Виды и сроки церковного покаяния определялись местным Духовным Начальством. Ссылаемые в Сибирь на поселение и житьё, если они с тем вместе приговорены к церковному покаянию, то предаются одному в месте ссылки, на срок, назначаемый местным Епархиальным Начальством (Уложение о Наказаниях примечание к ст. 58).

Из вышеизложенных указаний о преступлениях, за которые в законе предусмотрено монастырское заключение, и полагается также церковное покаяние или духовное увещание и назидание, при этом необходимо отметить, что по статистическим данным преступлений первого рода было гораздо меньше. Но между тем, по сведениям Святейшего Синода о людях светского звания, заключенных в монастыри, оказывается, что большая часть этих людей содержится в монастырях за такие преступления, за которые в законах полагается не заключение в монастырь, а только лишь церковное покаяние или назидание и увещание через духовных лиц. Так, например, по отчетным Ведомостям 1865 года по России о людях светского звания, которые содержались в монастырях – общее число людей 212 человек. Из них только 63 человека было заключено за те преступления, за которые по Уложению о Наказаниях полагается заключение в монастырь, а именно: 29 малолетних за разные преступления и 34 лица за прелюбодеяние и кровосмешение. Из остальных 149 лиц: 15 человек содержались в монастырях по особым Высочайшим повелениям и 2 лица, согласно циркулярному указу Святейшего синода от 11 июля 1851 года за неисполнение епитимии. 132 лица, показанные в Ведомостях хотя и содержались в монастырях, но за такие преступления, за которые по закону не полагалось монастырского заключения, и при том 17 человек из них содержались за уклонение в раскол, тогда как по силе статьи 75 Устава Пред. Прест. (по продолжению 1864 года) увещания над соращенными в раскол должны производиться на месте их жительства, без отвлечения от основных их трудов и занятий. 6 человек было заключено в монастыри, вопреки 27 статьи Устава Пред. Прест. За небытие у исповеди и Святого Причастия.

По Ведомостям за 1864 и 1866 годы также значится большое число людей светского звания, содержащихся в монастырях не за те преступления, которые в законах полагается монастырское заключение, а именно: из 266 лиц, содержащихся в монастырях в 1864 года, только 85 человек было заключено за те преступления, за которые по законам полагается

²⁴ Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // ГАОО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 103.

гается монастырское содержание, а из 193 лиц, находившихся в монастырском заключении в 1866 году, только 55 лиц показаны содержащимися за те преступления, за которые в законах поставлено заключать в монастырь.

Таким образом, можно констатировать, что история пенитенциарных учреждений в России тесно связана с нормативно правовой базой Церкви и российской церковно-судебной системой, а также с развитием общественного движения в культурной и политической области. На основании того, что монастыри, вопреки их назначению, были обременены множеством заключенных лиц духовного и светского звания во II половине XIX – начале XX века, и что из числа последних значительно большая часть содержится за те преступления, за которые по законам полагалось не заключение в монастырь, но церковное покаяние или отсылка к духовному начальству для увещания и вразумления. Святейший Синод назначал прохождение епитимии под надзором духовного отца, т.к. это мера самая действительная, и предоставляет большое облегчение монастырям, а сами освобожденные были поставлены в положение, в котором вернее может быть возбуждено в них сознание греха и искреннее раскаяние. При этом Святейший Синод признавал необходимым освободить всех светских лиц, которые на основании законов уже подлежали заключению в монастырях. Предписывалось их по возможности перевести под епитимию на местах их жительства, кроме тех лиц по отношению к которым прохождение епитимии на месте окажется безуспешными²⁵.

PENITENTIARY PRACTICE MONASTERIES IN THE II HALF OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURY (ON MATERIALS OF THE OREL EPARCHY)

E.S. MATVEEVA

*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Moscow*

e-mail: evgmatveeva@bk.ru

The article considers the concept and features of the penitentiary system in Russia as an institution, globally affecting the political, economic and spiritual spheres of society life in the II half of XIX – early XX centuries. Defines the economic and legal situation in Russia when using monasteries in penitentiary purposes.

Key words: secular power, secular power, Church-judicial system, religious offences, the ecclesiastical punishment.

²⁵ Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому «Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства» от 18 марта 1868 года // ГАОО.Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 103 оборот.